

НА СЦЕНЕ НУЖНО ЖИТЬ

ВЕРА ВАСИЛЬЕВА: «НА СЦЕНЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ МУЖЧИНЫ, В КОТОРЫХ МОЖНО ВЛЮБИТЬСЯ, И ЖЕНЩИНЫ, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ МОЖНО ПОТЕРЯТЬ ГОЛОВУ»

Вот уже три года подряд звезда Театра сатиры Вера Васильева приезжает на задворки Москвы в Новый драматический театр, которым руководит Борис Львов-Анохин. И играет два спектакля. Зал встречает Народную артистку СССР дружными аплодисментами.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 3

НА СЦЕНЕ НУЖНО ЖИТЬ

ВЕРА ВАСИЛЬЕВА: «НА СЦЕНЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ МУЖЧИНЫ, В КОТОРЫХ МОЖНО ВЛЮБИТЬСЯ, И ЖЕНЩИНЫ, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ МОЖНО ПОТЕРЯТЬ ГОЛОВУ»

Окончание. Начало на стр. 1

— Понятно, для Нового драматического театра ваше имя на афишах — большая удача. А вам здесь комфортно?

— Безусловно. «Дебютировала» в роли боярыни Пехтеревой в исторической комедии Петра Гнедича «Ассамблея», поставленной в 1996 году Андреем Сергеевым. Особенно интересно шла работа с этим молодым режиссером над нашим вторым спектаклем «Блажь». Судьба героини Серафимы Давыдовны Сарытовой взволновала буквально до слез. Вправду, читала сценарий — плакала. Вовсе не воспринимая ее, как, допустим, Гурмыжскую из «Леса» Островского — старую сумасшедшую барыню «на вате». Сарытова — женщина, которой не додали счастья. А теперь она им ослеплена! Напрочь потеряв чувство реальности оттого, что слишком многого была лишена. Мне кажется, это весьма типичная картина жизни наших женщин, которые не окружены ни той влюбленностью, ни той заботой, которых они заслуживают. Мы слишком большие труженицы, слишком самоотверженны, слишком для других. И почти ничтожки для себя. Хотя каждая, наверное, мечтает о благородном герое, который поднял бы ее на пьедестал.

— Какие роли вы не любите и не стали бы играть?

— Скорее всего, те, где не затрагиваются струны моей собственной души. Любое перевоплощение актера основано на личных, пусть и не в точности, но потенциально пережитых чувствах.

— Ваша знаменитая коллега Фаина Георгиевна Раневская однажды заметила: «Я не признаю слово «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно». Вы согласны?

— На сцене я собираю всю свою душу. Постучавшись в чужое сердце со своей болью или радостью, разочарованием или надеждой, ожидаю его отклика. Вот, например, Домна Платоновна из спектакля «Воительница». Роль удивительная, прекрасная! О такой актрисе может только мечтать! Здесь есть все: и возрастной переход, и русская национальная основа характера, и великая любовь, и душа, воспарившая над жизнью. Тем не менее роль оказалась для меня немалым трудом.

— И это с вашим-то профессионализмом?

— Да. Потому что сначала Домна Платоновна представлялась мне сильной, хитрой, агрессивной, властной женщиной. Я решила как можно дальше отойти от себя, так заклеить ненавистные качества характера — корысть, цинизм, отсутствие жалости, что нельзя не содрогнуться. А как тогда соединить это с той жертвенной любовью, которая спалит ее сердце?.. Однако Борис Александрович Львов-Анохин (кстати, потрясающий, редкий по таланту, эрудиции и душевной тонкости режиссер) нарисовал совершенно неожиданный образ моей героини. По его мнению, она обладает детской непосредственностью, убежденностью в нравственной правоте своих поступков и еще больше в том, что в этой жизни иначе поступать невозможно. Успокаивал: «Не бойтесь, не наигрывайте, будьте искренни!» В итоге, роль решила последняя сцена, где Домна Платоновна во имя любви отрывается от самой себя. Маленький человек, песчинка в мироздании. И вдруг нежданная, запоздалая любовь вошла в ее сердце, зажгла его факелом. Вспыхнула яркая звездочка, на краткий миг осветила все вокруг и погасла, спалив себя дотла.

— Вы прекрасно выглядите — и в жизни, и на сцене.

— Спасибо. Вообще я люблю, когда на сцене красивые люди: красивые мужчины, в которых можно влюбиться, красивые женщины, из-за которых можно потерять голову. «Ах, какая красавица!» — так

часто говорят о некоторых актрисах. И это прекрасно. Так и должно быть в театре, если в повседневной жизни почти исчезло поклонение человеческой красоте.

Вот что сказала о красоте актрис в своей книге «Вторая реальность» Алла Демидова: «Я убеждена, что легенда о красоте многих прославленных актрис идет от их веры в нее, от ощущения легкости и радости, которые сопутствуют этой вере, от счастья, которое дала им игра на сцене». Удивительно верно! Не однажды ловила себя на том, что ухожу после спектакля по крайней мере на 10 лет молодевшая, с блестящими глазами, легкой походкой. Я — оживаю.

— И как ваша мадам Эстер, знаменитая актриса из бенефиса «Священные чудовища», вы считаете себя несовременной женщиной, не так ли?

— Вы не ошиблись. Мне кажется, современные — жестковаты в оценках, слишком прагматичны. Мне импонируют дамы из давних времен. Какая-нибудь мадам Бовари, Кручинина, Раневская. И моя Эстер, предполагаю, оттого, что играет роли в классическом репертуаре, именно из того века, тех романтических чувств. И хотя ей, блистательной и неотразимой звезде французского кино, не чужд некоторый цинизм от пребывания в славе, и поначалу она немножечко гарцует и много о себе воображает, позволяет быть небрежной к поклонникам, — все это не более чем налет театральности.

— Для вас сезон 1998-99 был юбилейный. Полвека на сцене. Хотя верится в это с трудом...

— Мне кажется, мое сердце не постарело. И актерское братство для меня отнюдь не пустые слова. Я хочу, страстно все еще хочу играть. Любить, страдать, быть любимой, брошенной, дерзкой, счастливой или погибать от горя и одиночества, бороться за свои идеалы или проклинать со сцены то, что ненавижу...

— Ожидается ли новый спектакль с вашим участием в вашем родном театре?

— Да, «Безумная из Шайо» по пьесе Жана Жироду. Но когда будет премьера, пока неизвестно.

Елена КОНСТАНТИНОВА